

18+

ЗА ЧТО, ГОСПОДИ?

ДМИТРИЙ АРСЕНЬЕВ

Дмитрий Арсеньев
За что, Господи? Часть
первая. Линии жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69942328

ISBN 9785006081055

Аннотация

Судьбы людей переплетаются странным и неожиданным образом. Осуждённый за кражу иконы священник, рок-музыкант, руководитель IT-компании, девушка, у которой бывший муж похитил единственную дочь. Оказавшись на территории хаоса и смерти, они начинают искать ответы на вопрос: за что людям Бог дал такие тяжелые испытания и под силу ли простым смертным это остановить? История героев, через взгляд на смысл людских судеб, затронет чувства читателей и позволит им задуматься о смысле собственной жизни. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог. Живые и мертвые	5
Часть первая: Линии жизни	11
Глава первая: Дух Мирен	11
Глава вторая: Судный день	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

За что, Господи?

Часть первая. Линии жизни

Дмитрий Арсеньев

© Дмитрий Арсеньев, 2023

ISBN 978-5-0060-8105-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-8106-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все совпадения с реально существующими людьми и историческими событиями являются случайными.

Пролог. Живые и мертвые

Низде. Август 1995 года.

На деревянной лавке сидел незнакомец и читал лежащую на коленях книгу. Одет он был в какую-то непонятную темно-серую одежду, очевидно слишком просторную для его худощавого телосложения. Незнакомец словно сам по себе светился в абсолютной непроглядной окружающей темноте.

Наблюдающий за ним поодаль мужчина поднял к своему лицу руки и внимательно рассмотрел свои запястья. Целые и невредимые. Никаких порезов. Никакой ванны с теплой, стремительно краснеющей водой. Мужчина невольно воскликнул:

– Я что, умер?! Где я?

Незнакомец, сидящий на лавке, повернулся на звук голоса.

Его губы изогнулись в легкой улыбке. Он закрыл книгу и положил ее рядом с собой.

– Долго же ты пробуждался. Я успел уже две главы прочесть, а ты все стоишь, как памятник. Вообще, уважаемый, ты второй человек здесь, которого я встретил. Так, что не сойду, что очень рад. Присаживайся рядом. Хочешь чаю?

Незнакомец подвинулся, освобождая место. На лавке стояли две эмалированных кружки. Одну из них он протянул

своему собеседнику.

Было очень непривычно и странно находиться в чернильной темноте. Лавочка оказалась вполне себе осязаемая, а кружка горячая.

– Где мы? Я все чувствую. Тепло кружки, аромат чая. Где ты его взял?

Теперь он лучше смог разглядеть своего соседа, его коротко стриженную голову, худое лицо, тюремную робу. Когда-то в юности, занимаясь в театральном кружке, довелось выступать на зоне со спектаклем. Вот этот зек сейчас был неотличим от того контингента зрителей. Сосед, тем временем, отхлебнул чай и покачал кружкой из стороны в сторону.

– Сахар есть, но на дне, ты взболтай его получше. И можешь не торопиться с расспросами. Меня Сергеем зовут. А тебя как?

Он протянул руку, на каждом пальце были вытатуированы буквы, складывающиеся в странное слово: «С.О.Ч.И» Пару секунд он с удивлением всматривался в глаза собеседника, но ничего более не сказал.

– Дима. Так, где мы? На том свете? В аду или раю?

Зек пожал плечами и снова улыбнулся.

– Знаешь, Дима. Точно не на этом, точно не на том, а на каком-то другом. Как будто предбанник такой. Думаю, что мы с тобой не мертвые, но и не живые. Может в коме, или что-то похожее. Я тут давно, по ощущениям кажется, что вечность, но иногда, что минуту. Там, в реальности, меня

деревом придавило на лесоповале. Ну, как придавило. Предполагаю, что так было. Как раз вчетвером валили его, вроде вбок, а я в этот момент на льду поскользнулся, прям под ствол. А дальше здесь глаза открыл. А с тобой чего сделалось?

Дима несколько секунд молчал.

– Вены вскрыл. Жена бросила меня. Ушла к моему же другу. Наверное, давно у них все закрутилось, а я узнал, только когда пришел домой однажды, а она чемодан уже собрала. Вроде бесила меня, ругались часто, даже сам прогнать хотел... А как ушла, такая тоска и боль в голове поселилась. Я поехал в отпуск на море. Думал полегче станет, а в итоге накрыло еще хуже. Вот я и... А откуда этот свет? Солнца нет никакого. Почему я вижу тебя? Откуда ты взял все эти вещи: чай, книгу, лавку? На чем она вообще стоит? Где здесь земля? Небо?

Зек засмеялся:

– Ты, как Степка, пацан был один со двора, малой. Тот тоже, засыпал вопросами всех. Почему, да как. Думаешь, я знаю? Только предполагать могу. Света тут нет никакого, а ты меня видишь, потому что... наверное, душа светится. Моя меня освещает, а тебя твоя. Вот поэтому, я думаю, что мы не умерли, а еще живы.

Сергей погладил кружку и вдохнул чайный пар.

– Чай я из ниоткуда взял. Просто захотел попить, стал мечтать, представил себе кружечку, которой на зоне согреть

вался, она и появилась. Потом захотел есть. Лавка появилась. Правда, не все коту масленица, как говорится. И кресло хотел, и телевизор, и курева себе намотить. Да вот нет! Фигушки! Книга зато получилась четко. Я ее в тюремной библиотеке только читать начал. Думал, что теперь и не узнаю, кто там убийца в Восточном экспрессе. Спасибо, Господи и на этом. Слушай, а может, ты попробуешь сигареты достать? Курить так хочется. «Ту-154» или «Стюардессу», а? Только с зажигалкой вместе, или спичками.

Дима закрыл глаза, молчал с полминуты, осмотрелся вокруг, потом выдохнул:

– Не, не выходит. Я ведь, не курил никогда.

Не успел Серега огорчиться от неудавшегося эксперимента, как Дима неожиданно вскочил и бросился бегом в темноту. Уже через пару минут мрака беглец снова увидел лавку и ухмыляющегося зека.

– Не только земля круглая, но и крошечная тьма. Если есть здесь кто еще, он вот так вот и появится, как ты. До тебя дед один приходил. Он чаю только успел попить и быстро бледнеть начал. Все прозрачнее и прозрачнее становился, пока не растворился в темноте. Как думаешь? Он умер или вернулся назад?

Дима сел с Серегой рядом и положил руки себе на колени.

– Не знаю. Но я не хочу возвращаться. Какой мне смысл жить? Думаешь, легко было взять лезвие, лечь в ванную...

Его собеседник тронул Диму за плечо.

– Я пока тут сижу, знаешь, что подумал? Может, мы мертвыми и раньше были, а теперь нас Бог готовит к новой жизни. Как бы второй шанс дает? Мы же только и норовим прилечь, покой обрести. Мертвые тоже так лежат. У них эмоций нет никаких. Все им ровно. Двигаться не надо. Делать лишнее не надо. Ответственности никакой. Стабильность – это та же смерть. Ничего не происходит. У них же на лицах написано: «Оставьте в покое меня. Дайте отдохнуть».

Смотришь по сторонам, идут мертвецы по улицам, потому что глаза у всех пустые. И разговоры такие же:

– Как дела? Что нового?»

– Да ничего, нормально. Ничего нового».

– Что делал месяц назад?»

– Сам не помню уже».

– Чем год назад жил?»

– Да так же все было. Нормально».

Зек замолчал и ухмыльнулся каким-то своим мыслям.

– Может это перезапуск такой? Хотя... Может очередь в ад слишком длинная стала. Вот мы и ждем тут, без номерков на руке. Но, знаешь, я бы еще пожил. Живым пожил.

Словно в ответ на его слова на груди зека появилось маленькое яркое белое пятно, похожее на солнечный зайчик.

Заметивший это первым Дима вытянул руку и прервал размышления зека:

– Сергей, смотри, на твоей груди! Что это!?

Серега, осмотрев себя вдруг подскочил к соседу и вцепил-

ся в него.

– Дима, походу конец мне. Слушай, если ты вернешься, в Сочи мать моя живет! Евсева Наталья. Ты ее найди, если назад попадешь, скажи, что я деньги припрятал, пусть себе возьмет.

Капли пота выступили на лбу зека. Пальцы его рук тряслись, а голос дрожал:

– Найди ее. А деньги я спрятал в...

Дима ничего не успел ответить. Он услышал женский крик:

– Евсева! Евсева! Зови врача! Тут суицидник вчерашний, что вены порезал, на кровати корчится, еле держу. Давай быстрее!

В глаза ударил яркий свет. Тетка в белом халате прижимала его к больничной кровати и кричала куда – то в сторону:

– *Наташка, где ты, давай врача скорее!*

Часть первая: Линии жизни

Глава первая: Дух Мирен

г. Пермь. Декабрь 1967 года.

– Наташка! Евсеева!

«У моря-я-я-я-я у си-и-и-и-и-него м-о-о-р-я-я-жвжвжвж-
вжж...»

Сережкин палец дрогнул, игла проигрывателя «Юность» скользнула по пластинке, оставляя новую глубокую царапину.

– Блин!

В этот момент сзади проскрипела дверь. Сережка с испугом обернулся, увидев застывшую в проёме мать.

– Я тебе сказала, бл*дь, не лезь к пластинкам!

«Заметила, блин, заметила».

Зная, что скорее всего дальше произойдет, мальчик стал пятиться вглубь комнаты. В этот момент мать отвлек окрик из коридора.

– Наташка, кастрюлю свою забери с плиты!

Голос соседки тети Нади немного запинаясь на гласных, когда она выпивала. А выпивала она почти всегда.

– Забирай, говорю свою кастрюлю, не одна здесь живешь!

– Щас!

Мать, выходя из комнаты обернулась:

– Ты у меня щас получишь, выбл*док. Не вздумай удрать!

Из кухни коммунальной квартиры, где жил вместе с матерью Сережка, раздавались приглушенные голоса, сложно было что-то разобрать, кроме невнятного баса дяди Славы, безногого инвалида лет шестидесяти. Он постоянно в красках рассказывал, как потерял ногу, подрывая гранатой немецкий танк на войне, но всем было известно, что ногу дяде Славе отрезали, после ночевки в канаве в невменяемом алкогольном состоянии четыре года назад на новогодние праздники.

Сергей побежал к окну и спрятался за шторой, скукожившись в позе эмбриона.

Снова проскрипела дверь и до мальчика донесся звук приближающихся шагов матери. Она резко отдернула полотно шторы.

– Что спрятался!?! А? Я тебе говорила не трогать пластинки? Говорила!?

Рука матери дернула Сережку за запястье, но тот крепко держался за батарею.

– Иди сюда, выбл*док!

Мать пыталась оторвать от батареи его руку, больно царапая стриженными ногтями.

– Вцепился как клещ, думаешь, это поможет? Сволочь! Весь в отца! Такой же подлец растет. Ножницы на прошлой неделе кто потерял? Где я теперь новые куплю? Ты знаешь,

что ножницы – дефицит? Знаешь? А пластинка гедеэровская, знаешь, сколько стоит? Знаешь?!

– Я не брал ножницы! Не брал я!

– А кто взял!?! Я у всех соседей спросила! Кроме тебя никому, выродок! Как же мне все осточертело! Учиться не хочешь, только шляешься по улице, вместо того чтобы уроки делать. Надо тебя сдать в детский дом. Там тебя быстро научат!

– Я не брал! Это дядя Слава, наверное, взял, газету под махорку резать.

Мать остановилась на секунду, чтобы набрать в грудь воздуха.

– На старика-алкаша спихиваешь? Как отец твой. «Это не я». Вырастешь таким же ублюдком. Ну, подожди. Где ремень?

Мать пошла в сторону входной двери, где на крючках висела одежда.

– Ты посмотри, а! Не брал он!

Мальчик юркнул в пустоту под столешницей и загородил себя старым, с порванной на углах обивкой, стулом.

– А ну, вылезай!

– Мама не надо. Я не буду больше!

– Вылезай, выродок!

Мать стала вырывать стул из рук Сережки

– Вылезай, сученок, я сказала! Вот же падла, какая! Получи! Ненавижу!

Пряжка ремня обожгла руку.

– Вот тебе за ножницы, подлец! Вот тебе за пластинку! Я сколько раз тебе говорила, а?

Мать хлестала мальчика ремнем, который оставлял красные полосы на руках, которыми Сережка пытался закрыться.

– Мама, я больше не буду. Не надо, мама!

Слезы текли рекой, оставляя на губах солоноватый привкус.

«Беги»

С каждым ударом ремня, голос внутри Сережки повторял все отчетливее:

«Беги!»

Мальчик что было сил бросился к выходу из комнаты. Словно сквозь туман Сережка видел свои исполосованные красными следами от ремня руки, срывающие с вешалки маленький ватник.

«Валенки!»

Схватил валенки с низкой скамейки возле двери.

– А ну стой, я сказала! Стой, сучонок!

Мальчик уже неся в сторону двери, ведущей на улицу

– Вернись! Куда побежал?

– Ст-о-ой, го-о-ворю!

Окрик матери растягивался, как будто кто-то пальцем пытался остановить вращение пластинки в проигрывателе.

«Беги!»

Выскочив на улицу, Сережка судорожно втянул морозный

воздух и рванул прочь от подъезда.

Метров через десять он свалился в сугроб, натянул на облепленные снегом ноги валенки, и побежал, не разбирая дороги, пока не уткнулся в высокий забор.

Сердце бешено колотилось, кровь стучала в висках. Было жарко, пот под ватником растекался по телу, пощипывая в тех местах, где Сережку безжалостно «ужалила» пряжка отцовского ремня.

Фары выехавшего из-за поворота «Уазика» выхватили из темноты дерево. Его тень, словно корявая лапа, жадно потянулась в сторону мальчика

«А вдруг это милиция меня ищет?!»

Сережка вскочил. Улица была черной глухой, под стать высоким заборам по обе стороны дороги. Спрятаться негде.

«Вдруг это милиция? Сейчас заберут, потом в школу напишут, и выгонят после этого»

В отчаянии он толкнул плечом ближайшую калитку, которая оказалась незапертой.

«Ой, бл*!»

Нога попала в пустое припорошенное снегом ведро. Серега повалился вбок, с грохотом опрокидывая грабли и лопаты, которые стояли возле стены серого одноэтажного дома

Дверь отворилась, спустя мгновение вспыхнула желтая лампочка над порогом.

– Кого тут черт принес?!

Невысокая полноватая тетка вглядывалась туда, где лежал

в сугробе, поджав ноги в мокрых валенках, Сережка.

– Тетенька, я нечаянно. Я случайно, ей богу. Я уйду сейчас.

– Чего чертыхаешься, Нюра?

Вслед за голосом из открытой двери появился его обладатель. Мужчина в странной одежде, как будто кафтан, только с юбкой.

«А, это же поп! Меня в поповский дом занесло!?»

Поп подошел поближе и наклонился. Над бородой щеку от уха до верхней губы рассекал глубокий шрам.

– Ты откуда такой прибежал? Неужто из дома сбежал, малец?

Сережка неловко встал. Последние, устоявшие вилы, чиркнули по стене и свалились в общую кучу.

– Не сбежал. Я гулял. Я шас соберу все. Можно я пойду тогда?

Мальчик кинулся подбирать из снега черенки, неловко прислоняя их к стене

– Гуляешь, значит без шапки, варежек, налегке в декабре ночью. Как же их называют-то, которые раздетыми бегают по зиме? А, Нюрка?

– Моржи, прости меня Господи. Этих людей, как животных кличут. Чертовщина, ясно дело.

Тетка, по-видимому, поповская жена, подошла и стала подбирать черенки вместе с Сережкой

– О, как! Ты значит морж полуночный. Бросай черенки.

И ты, Нюра бросай. Завтра с утра соберем.

Он протянул руку.

– Как звать-то?

– Сережка

– А меня – отец Леонид.

Рукопожатие было крепкое. Затем мужчина повернул Сережкину ладонь к свету, рассматривая кровившие, вздувшиеся полосы на его коже.

– Раз Господь тебя привел сюда, пойдем, чая на дорожку горячего попьешь.

Тетка недоуменно посмотрела на мужа.

– Леня, так... ведь он пацан малой... Его же к родителям надо...

Мужик бросил короткий взгляд на жену и сказал:

– Чайник поставь! Господь велел заботиться о путниках, хоть малых, хоть старых. Иди!

Наконец он отпустил Сережкину руку, повернулся и пошел на крыльцо. Полы его рясы сметали свежавыпавший снег.

– Пойдем, полчаса погреешься. Никто тебя не будет никуда выдавать. Не бойся.

Только сейчас Сережка заметил, что замерз. Нижняя челюсть непроизвольно отстукивала ритм чечетки.

«А варианты какие? К матери не вернусь. На вокзал не пустят, еще и ментов вызовут».

– Пойдем. Еще бублики есть к чаю.

Серезка протиснулся мимо попа, придерживающего входную дверь, и шагнул в темный предбанник. Сразу стало тепло, ноги подкашивались от навалившейся усталости.

– Сюда вот, направо. Скидывай валенки.

Он повернулся на икону в углу комнаты, что-то пробормотал и перекрестился

– Проходи сюда, вон на стул присядь. Нюра, еще носки сухие мои принеси пацану, а его на батарею поклади вместе с валенками, вон следы у него мокрые от самого порога.

От горевших свечей в комнате пахло ладаном. Пламя трепетало, отбрасывая полутени на лики святых в углу, отчего они казались живыми. Стол, потертая на углах клеенка в клетку, старая толстенная книга на темном, почти не видимом в полутьме комодe.

– Вот и, бублики Сергей, угощайся, чем Господь послал, а чай сейчас будет. Ты крещеный, кстати?

Голос попа вывел мальчика из ступора

– А? Нет, наверное. Я не знаю. Мамка ничего не говорила... крестика у меня нет. Она вообще не верующая, так-то...

Отец Леонид улыбнулся.

– Ну, ничего-ничего, все к Господу придем, и верующие, и члены партии.

Вернулась его жена с чайником в одной руке и толстыми вязанными носками в другой.

– Давай, горемычный, свои снимай, сушить положу, а эти

надень.

– Леня, поставь доску на стол, а то клеенку прожжет...

Отец Леонид налил кипятка в кружку с заваркой.

– Мать тебя ремнем с пряжкой отлупила?

Серезка потянулся было за баранкой, но тут же спрятал руки под стол.

– Как узнал, хочешь спросить? Это вряд ли с чем спутаешь. В армии насмотрелся. И на своих руках, и на чужих, от рук своих.

Поп задумчиво посмотрел на свои руки, с длинными узловатыми пальцами.

– Расскажи, как тебя угораздило, так мамку разозлить?

Серезка сначала молчал, потом слова стали капать одно за другим, как слезы, скатывались по ресницам, отчаянно цепляясь за нее, срывались вниз и падали в чашку, растворяясь в сладком ароматном чае.

Отец Леонид слушал мальчика, ладонями обхватив теплую белую кружку с нарисованными на ней красными маками.

– Не держи на мать зла, Сергей. Нельзя винить человека, ибо только дьявол способен такое совершить.

– Дьявол? Откуда? Он же в аду живет!

Серезка живо представил, огромного темно-красного черта, которым страшала его бабушка. Странно, отца он почти не помнил, а бабушку очень ясно себе представлял, даже сейчас, спустя много лет после ее смерти. Как будто только

вчера она давала ему конфету, за то, что он рассказывал ей про свои хорошие дела, совершенные за день.

– Дьявол, Сережа. Он самый. И живет он не в аду, а в душе каждого раба божьего, ибо создал Господь человека, и святым, и грешным одновременно. И часть любви господней в нем есть, и часть греха от Лукавого. Есть люди дьяволом облюбленные, злющие – если беспомощные, лютые – если силой или властью владеют. А есть добрые да тихие, только и в них дьявол прячется.

Отец Леонид помолчал минуту-другую, словно бы решаясь на что-то, потом продолжил:

– Я когда в армии служил на втором году в увольнительную пошел. Часть наша располагалась в городке на Урале. Бузулук называется, ты, наверное, не слыхал про такой. Суббота была, сентябрь теплый такой. Я на рынок пошел, думал прибарахлиться чуток, да махоркой хорошей запастись. Ходил по рядам, сапоги начищены, пряжка ремня на солнце блестит. Того парня я не сразу заметил. Видно, что приезжий, одет хорошо, шляпа, пальто и взгляд такой, свысока будто смотрит. На ногу наступил мне. Думаю, случайно это вышло. Всего-то...

Поп замолчал, потом выдавил:

– Вот так ходишь по свету, Сережа. Планы строишь, думки гоняешь в голове. А тут на ногу наступил незнакомцу, и жизнь твоя под откос идет.

– Почему вы так говорите? Почему под откос?

– Потому, что сказал я ему, чтобы извинился. Он мне в ответ грубо, мол не буду я перед каждым салагой извиняться.

– Ты кого салагой назвал? Еще и плюнул на сапоги начищенные, ах ты урод!

Дальше, как будто не я, а кто-то другой схватил того человека, ударил в плечо. Он в ответ. Да еще кричал, что не знаю, мол, я с кем связался, что сгнию теперь на губе.

И поднялся изнутри откуда-то снизу, во мне дикий гнев. Сжались кулаки, сердце заколотилось.

Но не слышал я тихий голос Господа: «Остынь, остановись!». Гораздо громче Дьявол мне в уши кричал, что спуску такому давать нельзя, что наказать надо, чтобы знал фронт столичный, как на простого солдата бочку катить. А тот тоже, в ответку меня толкнул. Дальше не помню я уже сам, что было. На суде свидетели говорили, что схватил я у мясника топор, да ударил того несчастного несколько раз.

Отец Леонид вздохнул, повернулся к иконам и быстрой, едва понятной скороговоркой прошептал:

– Владыко, Господи Иисусе Христе, сокровища благих, даруй мне покаяние всецелое и сердце люботрудное во зыскание Твое, даруй мне благодать Твою...

Поп повернулся к Сережке и смотрел так смиренно, что пацан бы никогда не подумал, что все рассказанное священником правда.

– Так меня Дьявол в штрафбат отправил, а человека того горемычного инвалидом сделал навсегда.

Пламя свечи трепетало, словно живое, пытаюсь вырваться, соскочить со своего «креста-фитиля».

– Коварство Дьявола в том, что он будто бы ты сам. Будто он, то есть ты – справедливость и правда. Будто он, то есть ты- и есть честь и закон. И власть его наполняет тебя такой силой, будто горы свернуть можешь. И проявляется он в тебе в желании пнуть со зла, разбить, ударить, накричать, проклясть. И кричит он в тебе, что ты ради правды и блага других, а не себя все это делаешь.

Только нельзя его слушать, нельзя спорить с ним, ибо Сатана хитер. Всегда найдет такие слова, что кажутся верными, такие доводы, что кажутся справедливыми. И сделать тебе так велит, что кажется правильным. Только потом уже он уйдет снова вглубь души, а тебе только и остается – каяться перед Господом, что не внял его голосу, что поддался слабости и искушению власти вершить суд над людьми.

Лицо отца Леонида, несмотря на разбойничий по виду шрам, светилось волей и благородством.

– Дядя Леонид, так ведь получается он сейчас там? Дьявол. В вас? И во мне? И в маме? И что теперь делать, если он проснется и начнет говорить?

Отец Леонид, достал ложечкой разбухший лимон, убрал с него пару крупных чаинок.

– Молиться, мой хороший. Господу нашему Иисусу. Умеешь, Сережа?

– Мамка говорит, у меня память плохая. Я плохо запоми-

Глава вторая: Судный день

г. Москва. Август 2022 года.

Обычно суд, воспринимается людьми, как место свершения справедливости, что в идеале так и есть.

Почему-то предчувствие Анны по поводу исхода дела совсем не совпадало с воодушевлением ее адвоката Марины.

«Поверьте, Анна Валерьевна, наша компания ни разу не проигрывала дел об опеке и месте проживания ребенка, по статистике, суды в большинстве случаев становятся на сторону матери...»

Судья, женщина лет пятидесяти пяти, с уставшим за годы служения Фемиде лицом, монотонно произнесла:

– Ответчик, после расторжения брака, с кем сейчас проживает ребенок?

Виктор, повернул голову в сторону Ани, чуть помедлил и произнес:

– После того, как дочь приехала ко мне в гости, она захотела со мной остаться.

Картинки всплывали в голове девушки, одна за другой.

« — Где Алиса, Виктор? Почему ты ее не привез домой? Почему ты не брал трубку? »

Уже понимая, что сейчас все пошло не так, она ходила из комнаты на кухню, из кухни в спальню. Словно в тумане

видела лежащую на кресле куклу дочери, недоеденное яблоко, маленькие, запачканные грязью ботинки...

– Она теперь будет жить у меня!

– В каком смысле у тебя?!

– Она мне так и сказала: «Я хочу жить с тобой, папа».

Голос бывшего мужа был абсолютно спокойный, даже ласковый и вкрадчивый. Так обычно разговаривают в книгах палачи, разглядывая орудия пыток. Делая при этом вид, что они не замечают ужас жертвы. Что это просто такая работа, содрать кожу живьем, миллиметр, за миллиметром, профессионально и качественно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.